

М. В. Коваль

**МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ
ПАРТИЗАН УКРАИНЫ (1941—1944 гг.)**

«Значительный вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли советские партизаны и подпольщики», — отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»¹. Патриотизм советских людей, их ненависть к фашизму обусловили широкий размах партизанского движения на оккупированной врагом территории страны, в том числе Украины, где в нем приняли участие до полумиллиона человек. Партизаны Украины нанесли большие потери оккупантам и оказали существенную помощь Советской Армии в ее наступательных операциях по изгнанию врага за пределы нашего государства.

Эффективность действий советских партизан в борьбе против фашистских оккупантов зависела от многих факторов. Одним из важнейших из них было материально-бытовое обеспечение боевой деятельности партизанских формирований.

История партизанского движения на Украине освещена в ряде фундаментальных трудов², однако вопросы быта партизан в них не рассматриваются³. В предлагаемой статье впервые предпринята попытка охарактеризовать быт советских партизан на территории Украины.

В чрезвычайно сложных условиях вражеского тыла происходило на начальном этапе народной борьбы формирование быта украинских партизан. Между тем повседневный быт партизанских соединений становился по мере развития партизанского движения одним из важных факторов их успешной боевой деятельности. Вопросы быта постоянно находились в центре внимания командиров и политработников партизанских отрядов и соединений, сознававших значение создания необходимых условий для удовлетворения основных материальных нужд и духовных запросов участников партизанской борьбы, прямую зависимость от них боеспособности партизан. Командование, политические и хозяйственные работники партизанских формирований, зная, что советские люди даже в невероятно тяжелых условиях фашистского оккупационного режима сохраняют в своей жизни и взаимоотношениях традиции и нормы социалистического быта, делали все, чтобы и партизанский быт строился в соответствии с этими традициями и нормами.

Партизанский быт во многом зависел от специфики деятельности партизанского формирования и от характера местности его дислокации. Начальный этап становления и развития партизанского движения характеризовался, как известно, неимоверными трудностями, которые, естественно, порождали и бытовое неустройство партизан. Особенно тяжело приходилось тем из них, кто действовал в сложных условиях лесостепи. Они вынуждены были часто, иногда каждые два-три дня, менять дислокацию, чтобы уйти из-под ударов карателей. Поэтому у партизан не было даже землянок. Спали они в наскоро оборудованных шалашах, сделанных из ветвей и покрытых сеном и землей. Вход в шалаш закрывался чаще всего плащ-палаткой. Внутри устраивался настил из веток деревьев или сена. Вверху имелось отверстие для выхода дыма от костра, ко-

¹ Правда, 17 июня 1984 г.

² См., например: *Клоков В., Кулик Л., Слинко Л.* Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. Київ: Вид-во АН УРСР, 1957; *Война в тылу врага.* М.: Политиздат, 1974; *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза.* Т. 1—5. Киев: Политиздат Украины, 1975; *История Украинской ССР.* Т. 8. Киев: Наук. думка, 1984

³ Не рассматриваются они и в работах по истории партизанского движения в Белоруссии. Даже в единственном труде, специально посвященном общественному быту советских людей в районах партизанской борьбы в Белоруссии, — монографии А. И. Залесского «В партизанских краях и зонах» (М.: Мысль, 1962) — вопросы партизанского быта почти не затрагиваются.

торый постоянно горел в специально вырытом углублении небольшого размера (в центре шалаша).

Но не все партизанские формирования имели даже такие весьма примитивные жилища. Небольшие партизанские отряды, действовавшие в малолесистых районах, где было много вражеских гарнизонов и карательных команд, иногда после утомительных переходов устраивали привал прямо посреди болота или в снегу. Вот что рассказывал очевидец о жизни партизан Черкасского отряда: «Передо мною встала картина, которую я и представить себе не мог. В расположении отряда я увидел три костра, вокруг которых сидели вооруженные люди, от мороза и дыма костров черные. Здесь же, под открытым небом, некоторые спали...»⁴. Порой партизаны не имели возможности даже развести костер.

В ходе борьбы с сильным и коварным врагом партизанскими формированиями был накоплен и опыт довольно быстрого налаживания элементарных бытовых условий. Особое значение придавалось организации стоянок. Остановки во время передвижений, связанные с необходимостью отдыха и решения санитарно-бытовых вопросов, приходилось делать и таким крупным рейдирующим формированиям, как соединения С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, И. Ф. Федорова, М. И. Наумова, А. З. Одухи и др. Зимой длительные стоянки часто устраивали в населенных пунктах, как правило, по маршруту движения партизан. Накануне расквартирования в населенный пункт высылались разведка, в состав которой входили представители штаба и медицинской службы партизанского формирования. Для стоянки выбиралась местность, где имелись источники питьевой воды, запасы фуража или пастбища и где не было инфекционных заболеваний. Функции квартирников выполняли обычно разведчики. Они тщательно обследовали намеченный населенный пункт, определяя участки для размещения партизан и ставя соответствующие знаки на дверях домов. Медработники в свою очередь отмечали дома, где были инфекционные больные — их запрещалось занимать. Представитель штаба одновременно производил рекогносцировку местности и определял места постов, застав, дозоров, а также намечал схему круговой обороны.

После того как партизаны занимали населенный пункт, предназначенный для стоянки, принимались меры для обеспечения их безопасности. С момента появления в населенном пункте разведки выезд жителей запрещался, а вновь прибывающие задерживались. Немедленно брались под охрану источники воды. На всех окрестных дорогах выставлялись заставы с минерами, патрули и «секреты». По маршруту движения партизан на 10—15 км вперед высылались разведгруппы, а в соседние села — «маяки» партизанской разведки.

Так же обстоятельно решались вопросы расквартирования бойцов. Обычно в каждый дом помещалось не менее одного отделения. У входа в дом обязательно выставлялся пост. В западноукраинских селах, где действовали националисты, во время сна партизан и в самом помещении всегда был один «бодрствующий».

Стоянки партизанских формирований в населенных пунктах были разной продолжительности — от нескольких дней до месяца. Гораздо более длительными были стоянки в лесах. Места для лесных лагерей, выбиравшиеся в чаще, должны были отвечать следующим требованиям: 1) быть удобными для обороны на случай внезапного нападения противника; 2) служить естественной маскировкой от вражеских самолетов; 3) быть достаточно удаленными от основных дорог; 4) иметь источники воды и пастбища.

Лагерь тщательно маскировался, создавалась сложная система оборонительных сооружений и наблюдательных пунктов. Кроме того, каждое подразделение организовывало оборону отведенного ему участка, определяло места постов, а также ближних и дальних дозоров и застав в соответствии с общей схемой обороны отряда или соединения. Обычно

⁴ Киевский облархив, ф. 5, оп. 6, д. 177, лл. 11—12.

отряды размещались на расстоянии от 0,5 до 1,5 км друг от друга; в центре находился штаб соединения.

Наиболее важной задачей было устройство жилищ для личного состава, прежде всего для раненых. Много внимания уделялось налаживанию снабжения водой. Для упорядочивания пользования естественными водоемами берег реки или ручья разбивался на участки, каждый из которых предназначался для определенных целей. Первый по течению участок отводился для питья и приготовления пищи; немного ниже — для умывания, затем для поения лошадей, стирки белья и, наконец, для водопоя. Если естественный водоем отсутствовал, немедленно приступали к рытью колодцев из расчета один колодец на 100 человек. У источников воды дежурили дневальные, которые следили за порядком, а также охраняли их от отравления вражескими агентами. Одновременно оборудовались отхожие места, специальные ямы для отбросов пищи, отводились участки для транспорта, стоянки для лошадей, кошары для скота.

Типы жилых построек в стационарных лесных лагерях партизан были различны. Летом делали шалаши и ставили палатки. Шалаши строили и большие (на отделение или взвод), и маленькие (для 2—3 человек). Для палаток, также различных размеров, использовались парашюты, парашютные мешки, плащ-палатки, брезент и т. д. В штабных и санитарных палатках, а также в шалашах было искусственное освещение (свечи, лампы, аккумуляторы от машин и проч.).

Характер зимних лагерей зависел от продолжительности стоянки. Если предполагалась длительная стоянка, землянки делали с кровлей. В них устраивали нары, ставили железные или кирпичные печи, столики. Вот как, например, выглядел стационарный лагерь партизанского формирования Я. И. Мельника, располагавшийся в дубовой роще, в 5 км севернее с. Хинель (Сумская область). Участки здесь были распределены между отрядами с таким расчетом, чтобы облегчить круговую оборону. Всего было вырыто 55 фундаментальных благоустроенных землянок для личного состава, 51 дзот вокруг лагеря и окопы первой линии обороны. Размещались по отделениям и взводам, чтобы в случае тревоги отряд мог собраться в боевой порядок очень быстро и с минимальным шумом⁵.

Вполне благоустроенным был и лагерь соединения ровенских партизан под командованием И. Ф. Федорова, которое с октября по январь 1944 г. дислоцировалось в лесу в 4 км восточнее с. Островск. Отряды располагались на возвышенности вокруг трех озер (Хоромное, Вельке и Средне), занимая круговую оборону. В каждой из землянок (по одной на отделение) имелись деревянные полы, окна, печи из кирпича. Строительным материалом для них послужили дома предателей из близлежащих сел, казненных партизанами за преступления перед народом. Просторными и удобными были землянки, где размещались кухня, столовая и санчасть. Партизаны построили три землянки-бани. Из местечка Морочно в партизанский лагерь привезли паровой локомобиль и динамомашину, приспособленные для подачи электричества в штабные и госпитальные землянки⁶.

На территории лесных партизанских лагерей часто создавались гражданские лагеря — «таборы». Их населяли женщины, дети, старики, бежавшие от фашистских оккупантов. С помощью партизан они строили по соседству с ними примитивные дома, шалаши и землянки, где и жили под защитой партизан. В 1942—1943 гг. партизаны приняли особенно много мирного населения, спасавшегося от угона на каторжные работы в Германию. В расположении партизанских формирований создавались так называемые «патронаты» — специальные лагеря с оборудованным жильем, кухнями, в которых гражданское население находилось на полном иждивении партизан. Число гражданских лиц временами было весьма значительным. В киевском соединении «За Родину» И. М. Бовкуна «патронат» насчитывал до 5 тыс. человек⁷.

⁵ Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины (далее — ПА ИИП при ЦК КПУ), ф. 75, оп. 1, д. 1, лл. 299—300.

⁶ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 256.

⁷ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 1, л. 18.

Уникальный лагерь для населения был создан в расположении партизанского формирования в Усатовских и Куяльницких катакомбах Одессы. Подготовку к укрытию жителей в подземельях партизаны начали еще в середине 1943 г. На заранее выбранных наиболее подходящих участках в лабиринте катакомб были созданы специальные помещения для гражданского населения рядом с партизанским штабом, складами боеприпасов, типографией, медпунктом. В феврале-марте 1944 г. партизаны и подпольщики начали большими группами спускать людей в подземный лагерь. Только из Пригородного, Ленинского и Ильичевского районов города было принято и размещено в катакомбах несколько десятков тысяч человек ⁸.

При некоторых партизанских лагерях существовали целые поселки семей партизан, иногда довольно многолюдные. Например, вблизи лагеря черниговских партизанских отрядов им. Н. Щорса и «Победа» располагался поселок членов их семей. В нем проживали 216 человек, в том числе 69 женщин, 116 детей и 31 старик ⁹. Подобные поселки имелись и в партизанском крае на Сумщине.

На территории партизанского лагеря безраздельно господствовали привычные советским людям порядки. Свой быт и повседневную деятельность в рамках лагеря партизаны строили по армейскому образцу, осознавая себя частью Вооруженных Сил СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что ядро любого партизанского формирования составляли военнослужащие Советской Армии — бывшие «окруженцы» или же воины, бежавшие из фашистского плена.

В местах базирования партизанских формирований соблюдались строгая дисциплина, в частности тишина (говорить разрешалось только вполголоса, рубить дрова — без особого шума), и четкий режим дня. В 10 часов вечера в партизанских лагерях все, кроме караульных, спали. В качестве типового можно привести распорядок дня, установленный в соединении И. Ф. Федорова: 1) Утренний подъем — в 6.00. 2) Уход за лошадьми, физзарядка, туалет — 6.00—7.00. 3) Завтрак — 7.00—8.00. 4) Чистка оружия — 8.00—9.00. 5) Боевая подготовка — 9.00—12.00. 6) Работа над собой — 12.00—14.00. 7) Обед — 14.00—15.00. 8) Отдых — 15.00—16.00. 9) Культурная работа — 16.00—18.00. 10) Политзанятия — 18.00—19.00. 11) Уход за лошадьми — 19.00—20.00. 12) Ужин — 20.00—21.00. 14) Отход ко сну — 22.00 ¹⁰.

Командование и политработники большое внимание уделяли не только правильному с тактической точки зрения оборудованию и устройству партизанских лагерей, военному порядку в них, но и внешнему виду бойцов и командиров. Лектор ЦК КП(б)У К. К. Дубина, находившийся в тылу врага в 1943 г., писал о лагере житомирского соединения А. Н. Сабурова: «В лагере чисто убрано, сделаны мостики через болота для езды и пешеходов. Регламентирован и расписан весь день... Наши художники в большинстве случаев рисуют партизана обязательно с бородой. Я видел тысячи людей, но из них всего троих с бородами. Люди, как правило, чистые, побритые...» ¹¹.

Наряду с обеспечением жильем в повседневном быту партизан важнейшее место занимало снабжение продовольствием. Сложные вопросы питания личного состава командованию партизанских формирований приходилось решать ежедневно, причем зачастую в самых неблагоприятных условиях. В начальный период развития партизанского движения, когда партизанских отрядов было немного и они были малочисленными, вопросы их продовольственного снабжения еще не стояли особенно остро. Когда же партизанские формирования численно увеличились, появилась необходимость создания специального аппарата хозяйственников. В каждом соединении и отряде имелся заместитель командира по хозяйственному обеспечению, в ротах — старшины и два-три бойца-

⁸ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 85, лл. 11 об., 17, 19 об., 32 об.

⁹ Там же, оп. 9а, д. 17, лл. 6—7.

¹⁰ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 50.

¹¹ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 80, л. 157.

хозяйственника. В их задачу входило изыскание, хранение и распределение среди личного состава продуктов питания, одежды, предметов первой необходимости.

Постепенно разрастаясь и укрепляясь, хозяйство партизанских формирований все более полно удовлетворяло разносторонние нужды личного состава. Рейдирующее соединение М. И. Наумова, например, имело стадо до 100 голов, разного скота и свиней, хлебопекарню, мельницу с конным приводом¹². А у партизан ровенского соединения В. А. Бегмы было 13 мельниц, 15 молотилок, 6 маслоек и несколько крупорошек, находящихся как в расположении соединения, так и в окрестных селах¹³. К 1943 г. все партизанские формирования имели довольно развитые хозяйства.

Широко использовали партизаны возможность обеспечивать себя всем необходимым за счет противника. Не ожидавшие развития массового партизанского движения и упоенные временными успехами, фашисты в 1941—1942 гг. не спешили вывозить продовольствие в Германию, считая более целесообразным создание продовольственной базы для своей армии на оккупированной территории, вблизи фронта, чтобы не загружать транспорт излишними перевозками. Получив от местного населения необходимые сведения, партизаны ночью, ликвидировав охрану (обычно один-два гитлеровских солдата-хозяйственника и до десятка полицаев), забирали продовольствие, фураж и скот. Так, партизаны из Каменец-Подольского соединения А. М. Грабчака, напав ночью на мельницу в Новоград-Волынке, уничтожили охранявших ее полицаев и вывезли 35 подвод муки¹⁴. Налетами партизан на продовольственные склады нередко обеспечивалось и местное население. При занятии населенных пунктов партизаны в первую очередь искали фашистские склады продовольствия. Типичный пример: в 1942 г., очистив от врага населенные пункты Сумщины Ямполь и Свесса, отряд А. Н. Сабурова вывез со складов 45 т зерна, 5 т овощей, 2 ц сливочного масла, 2,5 мешка сахара, мешок соды, угнал 15 коров и т. д.¹⁵ В западных областях республики партизаны обеспечивали себя продовольствием и за счет запасов, отбитых у националистических банд.

По мере расширения партизанского движения и численного роста партизанских отрядов фашисты стали вывозить продовольственные запасы в райцентры, где стояли их гарнизоны. Это значительно усложняло задачи, стоящие перед партизанскими снабженцами. Чтобы добыть все необходимое, нужно было осуществлять крупные «хозяйственные операции» силами роты, отряда, а то и целого соединения. Такие операции, часто сопровождавшиеся ожесточенными боями и немалыми потерями с обеих сторон, — характерная особенность не только быта, но и всей деятельности партизан.

К 1943 г. крупные хозяйственные операции становятся весьма распространенным способом добывания продовольствия. Так, весной этого года четыре отряда Каменец-Подольского соединения С. А. Олексенко, оказавшегося без продовольствия, трижды пытались взять штурмом населенные пункты Рокитно и Городница, где находились склады оккупантов. Лишь третья попытка завершилась удачей: отеснив врага, партизаны сумели увести несколько десятков тонн зерна. Но в соединении не было и соли. Решили отвоевать и ее, тем более что партизанской разведке стало известно о готовящемся отправлении из Новоград-Волынка большого обоза (несколько десятков подвод) с солью. Устроили засаду. Обоз сопровождала охрана из 150 человек, да навстречу им двигался отряд обеспечения из 120 гитлеровцев. Вступить в бой со столь крупными силами врага было опасно, но другого выхода не было. Три часа шел бой. Было убито около 50 фашистов, немало погибло и партизан, но 10

¹² Там же, оп. 9, д. 100, л. 339.

¹³ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 24.

¹⁴ Там же, ф. 88, оп. 1, д. 1, л. 341.

¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 100, лл. 287, 308.

подвод с солью у врага отбили¹⁶. Последнее было очень важно, ибо от отсутствия соли жестоко страдали и партизаны, и население. Пытались вместо нее употреблять суперфосфат, но и его не хватало. Начались массовые заболевания цингой. В этих условиях приходилось идти на крайние меры, проводить так называемые соляные боевые операции. И тогда цена соли измерялась ценой партизанской крови.

Количество продовольствия, захваченного у врага, было весьма значительным и в основном удовлетворяло нужды большинства партизанских формирований. По данным Украинского штаба партизанского движения, в 1941—1944 гг. партизаны Украины захватили у врага 12 371 т продовольствия, свыше 19 тыс. голов скота и более 30 тыс. лошадей¹⁷. Хорошо продуманные и удачно осуществленные хозяйственные операции создавали надежную продовольственную базу. Это отмечал командир Каменец-Подольского соединения А. З. Одуха: «На всем протяжении своей боевой деятельности мы ни грамма продовольствия не взяли у населения. В этом не было абсолютно никакой надобности. Мы имели полную возможность обеспечить себя за счет противника»¹⁸.

Однако вопросы продовольственного снабжения партизанских отрядов и соединений не всегда удавалось решать одним лишь проведением хозяйственных операций. В тех районах, где располагались крупные силы оккупантов или не было продовольственных складов врага, партизанам приходилось прибегать к помощи местных жителей. И не было случая, чтобы они отказали народным мстителям в поддержке, в том числе продовольствием, иной раз отдавая последнее. Правда, в отдельных случаях, главным образом в западноукраинских селах, где население терроризировали украинские буржуазные националисты, партизаны вынуждены были отступать от принципа добровольности. В такие села посылались специальные группы партизан. Ночью, отыскав старосту, они приказывали ему быстро собрать у зажиточных крестьян необходимое количество продуктов и отнести их в определенное место.

Фашисты, ограбившие, что называется, до нитки жителей городов и сел Украины, в то же время вели усиленную пропаганду против партизан, пытаясь спровоцировать конфликт между ними и местным населением. Поэтому командирам и политработникам партизанских формирований приходилось систематически вести разъяснительную работу среди жителей, на конкретных примерах показывать им, что партизаны препятствуют их ограблению и угону на фашистскую каторгу. Население на деле убеждалось в том, что партизаны — его друзья и защитники, и провокации фашистов обычно заканчивались провалом.

О том, какие плоды приносила разъяснительная работа партизан, свидетельствует следующий факт. Весной 1943 г. партизан-разведчик из соединения Тернопольской области Д. П. Панчук и 10 бойцов ехали на подводах на задание мимо поля, где работали жители с. Клепачи. Д. П. Панчук решил провести митинг; он разъяснил крестьянам цели и задачи партизанского движения и попросил их помочь отряду. От имени крестьян ответил самый старый из них. Он сказал, что, хотя люди боятся фашистов, продовольствием помогут. Так завязалась дружба партизан и сельчан. Партизаны были частыми гостями в селе, проводили здесь большую агитационную работу. Крестьяне, оказав помощь продуктам, помогли партизанам окрепнуть, подготовиться к новым боям. Через некоторое время партизаны, отбив у врага партию продовольствия, передали жителям с. Клепачи 18 т пшеницы и 4 т соли (надо сказать, что до этого люди в селе четыре месяца даже не видели соли)¹⁹. Многие крестьяне отдавали партизанам скот, птицу, хлеб в благодарность за защиту от фашистов и их подручных. Характерно письмо жителей одного из подольских сел, полученное командиром соединения И. И. Шитовым: «Мы рады вашей помощи и просим от имени всего населения: до конца охра-

¹⁶ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 72, л. 107.

¹⁷ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 151.

¹⁸ Научный архив Ин-та истории АН УССР, оп. 3, ед. хр. 285, л. 182.

¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 105, оп. 1, д. 1, лл. 8, 66—67.

няйте нас! Мы никогда этого не забудем и поможем всем, чем нужно. Обязуемся на сто процентов обеспечить Ваше соединение в материальном отношении»²⁰. В случае необходимости партизаны помогали населению тягловой силой. В одном только селе Большой Рожин партизаны-ковпаковцы, используя лошадей, помогли жителям обработать до 300 га пахотной земли²¹.

Видя свою основную функцию в защите населения от фашистов, партизаны в тех случаях, когда располагали реальными возможностями, оказывали жителям окрестных сел, ограбленных фашистами, помощь захваченными у врага скотом и продовольствием. Иногда отдавали излишки продуктов, которые по разным причинам не могли употребить сами. Общее количество скота и продовольствия, безвозмездно переданных партизанами крестьянам, было значительным. Так, например, соединение И. И. Шитова передало населению 5750 т зерна, 150 т картофеля, 1 т соли, свыше 2200 голов крупного рогатого скота и коз; соединение С. А. Олексенко — 2 тыс. т зерна, 4 тыс. т картофеля, 600 ц сахара, 500 голов скота; соединение С. А. Ковпака — 5,6 тыс. т хлеба, 1450 т картофеля, 585 голов рогатого скота и т. д.²² При распределении трофейного продовольствия и скота особое внимание уделялось обеспечению семей фронтовиков, наиболее нуждающихся крестьян, а также патриотически настроенных граждан, помогавших партизанам.

Сосредоточив у себя крупные запасы продовольствия, партизаны вынуждены были создавать в лесах продовольственные базы. Мука и зерно хранились в специальных ямах, вырытых в сухих местах; ямы просушивались, облицовывались досками или соломенными матами и заполнялись бочками или ящиками с зерном. Сверху ямы закрывали досками и тщательно маскировали дерном, ветками. В таких же ямах хранились запасы картофеля, круп, овощей, соленого сливочного масла, копченых колбас, сухарей, сала и т. д. Количество хранящегося продовольствия было весьма значительным. Например, на базе соединения Я. И. Мельника хранилось в качестве неприкосновенного запаса 20 тыс. пудов хлеба²³. Столько же зерна и муки хранили в специальных ямах партизаны Сумщины²⁴.

Ям-тайников закладывалось много и в разных местах, чтобы всегда иметь их под рукой, а также во избежание захвата продовольствия противником. Но хранящиеся в них запасы использовались лишь тогда, когда не было возможности проводить хозяйственные операции. Как заметил А. З. Одуха, партизаны, находясь во вражеском тылу, «должны были быть хорошими, расчетливыми хозяевами, постоянно заботящимися о завтрашнем дне»²⁵. Часто практиковалось хранение продуктов у надежных крестьян на отдаленных хуторах. Этими запасами пользовались находящиеся на задании группы разведчиков и связные. Скот, отбитый у фашистов, партизаны пасли. Зимой скот содержался крестьянами в лесу неподалеку от лагеря. В рейдах его гнали следом за колоннами бойцов со специальной охраной.

Для приготовления пищи в каждом отряде, в каждой роте имелась кухня. Летом она устраивалась на открытом воздухе, зимой — либо под навесом, либо в зимнем шалаше. Место кухни было огорожено и содержалось в образцовом порядке. Оборудовалась кухня довольно просто: посередине специальной загородки или шалаша вбивали два кола, на них клалась перекладина. На нее подвешивали обычные молочные бидоны, открытые котлы или ведра, под которыми разжигался костер. Хлеб в летнее время партизаны пекли сами, построив для этого в лагерях специальные печи. Зимой его выпекали жители близлежащих сел.

²⁰ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 130.

²¹ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 406.

²² Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, лл. 64, 109; ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 168; ф. 88, оп. 1, д. 1, л. 341.

²³ Там же, ф. 75, оп. 1, д. 1, л. 106.

²⁴ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 100, л. 75.

²⁵ Научный архив Ин-та истории АН УССР, оп. 3, ед. хр. 285, л. 182.

Каждая кухня имела свой штат — обычно двух человек (один из них повар). К ним в помощь в качестве дневальных выделялись два-три кухонных рабочих (старики, подростки) для обеспечения дровами, чистки картофеля, мойки посуды и т. д. Кухни бдительно охранялись от вражеских диверсантов и постоянно находились под надзором медработников. Во время марша партизаны питались хлебом и мясом, приготовленным во время остановок.

Режим питания и качество пищи зависели в основном от расторопности, кулинарных и организаторских способностей хозяйственников, старшин и кухонного персонала. Имея в своем распоряжении достаточное количество разнообразных продуктов, партизанские повара и хозяйственники старались обеспечить партизанам повышенный рацион, особенно в боевых условиях. В соединении Б. Г. Шангина, например, на одного бойца в день в среднем приходилось: мяса — 300 г, хлеба — 600 г, картофеля — 400 г, крупы — 60 г, а при проведении боевых операций: мяса — 500 г, хлеба — 400 г²⁶. Когда партизаны находились на отдыхе, нормы зачастую пересматривались в сторону снижения.

Однако не всегда удавалось успешно решать вопросы продовольственного обеспечения партизан. Острую нужду в продовольствии довелось испытать, пожалуй, каждому партизанскому формированию. Ведь порой приходилось непрерывно вести бои, маневрировать без обоза, отсиживаться в глуши лесов и болот без костров. Большие трудности с питанием испытало, например, соединение М. И. Шукаева во время перехода через Карпаты. Продовольствия взять было неоткуда. Все населенные пункты были заняты гарнизонами противника, повсюду шныряли бандитские националистические шайки. Партизаны были вынуждены съесть всех лошадей, а затем и лошадиные шкуры²⁷.

К числу наиболее сложных задач, связанных с обеспечением необходимых условий для жизни и борьбы, задач, которые зачастую до конца так и не были решены, относилась экипировка партизан. Особые условия партизанского быта, длительные рейды, частые переходы с места на место постоянно требовали надежной, удобной и теплой одежды и обуви, соответствующих разным временам года.

Партизанские штабы и службы посылали в Украинский штаб партизанского движения заявки на обмундирование. Но несмотря на создание во второй половине 1942 г. «воздушного моста» между советским тылом и оккупированными территориями с целью материально-технического обеспечения партизан, нужда в обмундировании оставалась весьма острой. Так, из советского тыла соединение И. Ф. Федорова получило всего 260 пар обуви и 200 предметов верхней одежды, в то время как в нем насчитывалось 2676 бойцов и командиров²⁸. Многие партизаны испытывали острую нужду в обуви. В Каменец-Подольском соединении С. А. Олексенко, например, почти половина бойцов в летнее время вынуждена была ходить босиком, осенью — в лаптях. Еще хуже обстояло дело с нижним бельем. «Без нижнего белья у нас была половина, если не больше партизан», — отмечалось в отчете о деятельности соединения²⁹.

Часто выручало партизан обмундирование, захваченное на складах и в воинских эшелонах врага, отбитое в бою. Всего партизаны Украины в 1941—1944 гг. захватили у врага 3308 комплектов обмундирования, 4176 пар обуви³⁰. Помогало партизанам и местное население, отдавая им свою одежду или обменивая ее на что-либо. Потребности партизан в обмундировании частично удовлетворялись и за счет конфискации имущества изменников Родины.

Одежда партизан была весьма пестра и разнообразна — советская и немецкая, польская и венгерская, словацкая и румынская, на ногах у

²⁶ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 131.

²⁷ Там же, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 120.

²⁸ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 249.

²⁹ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 72, лл. 109—110.

³⁰ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 51.

них можно было видеть сапоги, ботинки, туфли, галоши, лапти, «чуни», самодельные сандалии и т. д. «Форма одежды менялась в зависимости от того, с кем вело бои соединение», — писал командир 1-й Украинской партизанской дивизии П. П. Вершигора³¹. В начале Львовско-Варшавского рейда весь личный состав соединения был одет в немецкие шинели и комбинезоны, захваченные в бою с частями фашистской 4-й танковой армии. После боев с украинскими националистами переделались в полушубки и меховые шапки. А в конце рейда появились мадыарские шинели.

Пестрота одежды партизан не влияла на их боеспособность. «До чего же многокрасочна наша колонна! — читаем мы в книге А. Н. Сабурова. — Зеленые и синие гимнастерки, кители и пиджаки разных фасонов, пилотки, фуражки, какие-то широкополые старомодные шляпы, среди них мелькают яркие платочки партизанок. И все же грозен вид у этой разноликой массы. Колыхаются над плечами стволы винтовок и ручных пулеметов»³². Но партизанские разведчики и агитаторы, работавшие с местным населением, всегда были одеты в опрятную гражданскую одежду советского образца, которая собиралась среди партизан.

Большая работа по обеспечению партизан одеждой и обувью проводилась в организованных отрядами и соединениями подсобных мастерских, в которых работали умельцы из числа партизан, а порой и мастера из близлежащих сел. Основным сырьем здесь служили кожи убитых животных, из которых шили и обувь («чуни»), и верхнюю одежду. Из мешков делали теплые брюки и фуфайки, а из парашютного шелка — нижнее белье. В этих же портняжных и сапожных мастерских специальные бригады мастеров из числа партизан и местных жителей повзводно ремонтировали обмундирование партизан. Производительность мастерских была довольно внушительной. В мастерских соединения В. А. Бегмы было обработано более 1000 овечьих и свыше 400 яловых шкур для пошива одежды и обуви³³. А хозяйственники соединения И. И. Шитова организовали целый партизанский кожевенный завод, на котором вместе с партизанами работали местные жители. На этом заводе и в мастерских соединения было изготовлено 575 и отремонтировано 1143 пары обуви, сшито 2865 пар нижнего белья и 183 пары верхней одежды³⁴.

Во всех партизанских формированиях каждый боец, как правило, имел личный вещевой мешок со сменой белья, портянками, полотенцем, иглой с ниткой. Вес мешка не должен был превышать 5—6 кг. Следует сказать, что иметь постельные принадлежности, даже подстилки, партизанам обычно не разрешалось во избежание вшивости. В походных условиях их заменяли ветки и сено.

Важную роль в налаживании жизненного уклада партизан играли женщины, добровольно ставшие в ряды народных мстителей. Не было такого партизанского формирования, где бы плечом к плечу с мужчинами ни сражались женщины и девушки. Они составляли не менее 5% участников партизанского движения. Только в 11 партизанских формированиях, которыми командовали П. П. Вершигора, С. А. Олексенко, А. Н. Сабуров, И. Ф. Федоров, С. Ф. Маликов, В. А. Бегма, И. А. Хитриченко, А. З. Одуха, И. М. Бовкун, Н. М. Таранущенко, Н. И. Попудренко, И. И. Шитов, было в общей сложности 1855 женщин³⁵.

В тяжелых условиях длительного пребывания в походах, вне населенных пунктов, именно от женщин во многом зависел быт партизан. Отличаясь необыкновенной отвагой и самоотверженностью, женщины — пулеметчицы, автоматчицы, связистки, разведчицы — были в то же время и кухарками, и прачками, и портнихами. Партизанские партийные органи-

³¹ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 407.

³² Сабуров А. Н. Силы неисчислимы. М.: Воениздат, 1967, с. 155.

³³ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 24.

³⁴ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 77.

³⁵ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 401; ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 205; ф. 94, оп. 1, д. 1, л. 7; ф. 1, оп. 9, д. 124, л. 76; ф. 92, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 80; ф. 67, оп. 1, д. 1, л. 125; ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 254; ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 101; ф. 77, оп. 1, д. 1, л. 153; ф. 65, оп. 1, д. 1, л. 263.

зации проявляли особое внимание к женщинам-партизанкам и следили за тем, чтобы уважение и товарищеское отношение к ним были нормой для всех партизан.

Материальный быт партизан Украины, оказывавший огромное влияние на их боеспособность, определялся тяжелой борьбой в тылу врага. Партизаны терпели серьезные лишения, отсутствовали или были деформированы многие привычные черты довоенного социалистического быта. И тем не менее сохранялась главная характеристика последнего: традиция коллективистских, социалистических взаимоотношений между советскими людьми.

Г. Е. Марков

СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

К началу Великой Отечественной войны советская этнография прошла длительный путь развития и стала одной из ведущих отраслей исторической науки. В значительной степени это было связано с тем, что с первых лет Советской власти этнографы, следуя прогрессивным традициям дореволюционной этнографической науки, активно включались в решение актуальных практических и теоретических проблем того времени. Интенсивно развернулся процесс утверждения в этнографии марксистской методологии, завершившийся в предвоенные годы¹. В 1926 г. был основан журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»). В 1933 г. в Ленинграде на базе Музея этнографии и антропологии был создан институт, реорганизованный в 1937 г. в Институт этнографии АН СССР².

В 1939 г. была основана кафедра этнографии Московского университета. Велась подготовка этнографов в Ленинградском и Казанском университетах, начатая еще в первые годы Советской власти. Этнографическая тематика разрабатывалась также в Музее народов СССР и в Центральном антирелигиозном музее (Москва), в институтах и музеях республик и областей. В 1930-е годы центральные и периферийные этнографические учреждения развернули работу по изучению материальной

* Статья основана на материалах Архива Института этнографии АН СССР. Используются также публикации: Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны.— Советская этнография (далее — СЭ), 1946, № 1; Степанов Н. Н. В Институте этнографии АН СССР.— В кн.: Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 1. М., 1946; Кольцов В. А. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.—Л., 1962; Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет.— Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXII, М.—Л., 1964; Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.—Л., 1966; Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде.— СЭ, 1975, № 4; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.— Там же; Станюкович Т. В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.— СЭ, 1975, № 5; *ее же*. Этнографическая наука и музеи (по материалам музеев Академии наук)/Под ред. Рабиновича М. Г. Л.: Наука, 1978.

Встречающиеся в тексте расхождения в цифровых данных, в обозначении тем и названий секторов объясняются некоторой противоречивостью архивных сведений.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 197, 198; *его же*. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (к 50-летию ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР).— СЭ, 1983, № 2; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии.— В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; *их же*. Ордена Дружбы Народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая—50 лет.— СЭ, 1983, № 4.

² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 7; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. с. 199.